

«ЧЕЛОВЕКОМ БЫЛ Я В МИРЕ...»

150 лет назад, 22 марта 1832 года, в старинном городе Веймаре оборвался долгий земной путь великого немецкого писателя и мыслителя Иоганна Вольфганга Гете.

Пога! но ничто не оставлено им
Под солнцем живых без привета;
На все отозвался он сердцем своим,
Что просит у сердца ответа;
Крылатою мыслью он мир облетел,
В одном беспредельном нашел ей предел. —

писал в связи с кончиной веймарского олимпийца Евгений Баратынский. Писал — словно эхо отозвалось через 13 лет В. А. Жуковскому на его посвящение «К портрету Гете»:

Свободу смелую принял себе в закон,
Взвзвешав мыслью над миром он носился.
И в мире все постигнул он —
И ничему не покорился.

Так в разное время, но поразительно схоже русские поэты засвидетельствовали универсальность творческого дара своего великого современника — феноменальную многогранность, «всезрительность» его гения. «Всеобъемлющим исполненным» называл Гете Белинский — и, однако, настаивал на том, что «лирический элемент всегда оставался в творчестве Гете «господствующим и преобладающим» (над романами и драмами). Да, ученый-естествоиспытатель (между прочим — иностранный член Петербургской Академии наук), оригинальный мыслитель и политический деятель, прозаик-новатор и драматург, Гете в первую очередь был все-таки лириком — и именно в лирике он полнее и ярче всего раскрыл свое видение мира.

«Эпоха Гете» (а это словосочетание явилось уже под благоговейными перьями современников поэта) пришла на крутой перелом в европейской истории. Юность его прошла под средневековой еще сенью лоскутной «Священной Римской империи германской нации», в состав которой входили 300 «государств». А когда парижане штурмовали Бастилию, поэту шел еще только сороковой год. Дистанция огромного размера! Она никак не укладывалась в добродетельных крепких затылках соотечественников поэта — и надо было быть великим Гете, чтобы понять: «Начинается новая эпоха истории». Заколебаться и попользало много

казавшееся незыблемым — от форм правления до взглядов на жизнь. И страсбургский студент Гете, возглавивший молодое, дерзкое движение «Бури и натиска», оказался в самом центре перемени.

Лирика «Бури и натиска» несла в себе новое ощущение времени — противозастойное, ускоряющее темп жизни. «Эй, Хронос! — задирает 25-летний бунтарь Гете вчерашнего бога. — Клячу свою подстегни!» И — велит: «Ну-ка, вали напролом... Прямо в кипящую жизнь!». Новое ощущение времени — это и новое самоощущение:

Готов себя я в мир отважно кинуть,
Земных скорбей, земных восторгов
жребий вынуть...

Всемогущее время выковывает мужей — еще в молодости понял Гете.

Время «Бури и натиска» выковывало мужей подвига — героев-одиночек, исполненных величия и красоты, но неотвратимо гибнущих в неравной борьбе — с немецкой косностью. Носители этой самой косности — современники поэта — не только жаловали «бурных гениев», но не могли не отозваться на то — небывалое по силе — выражение всей полноты чувств, которое отличало лирику молодого Гете — и такие его шедевры, как «Майская песня», «Свидание и разлука», «Дикая роза», надолго — если не сказать: навсегда — западали в души читателей.

Время «Бури и натиска» кончилось в 1775 году, когда Гете переехал в Веймар. Уповав на разум и просвещение в борьбе против социальных зол, он принял приглашение веймарского герцога и стал министром его двора.

Веймарское время выковывало мужей совета. Новое время — новые песни.

Меняется не только тематика, но и манера; на смену порыву является размышление; бурное авторское самовыражение уступает место гармоничному изображению виденного и пережитого; эмоциональность переплавляется в мудрость...

Кладезем мудрости для Гете стала античность. Искусство Древней Греции являло ему гармонию, одухотворенную высоким гуманистическим идеалом. Гармоничность — вот главная примета веймарской лирики Гете, вот основа эстетики веймар-

ского классицизма, созданного им вместе с Шиллером.

Тяга к античности привела поэта в Италию. Два года, проведенные под нежными итальянскими небесами, были заполнены учеными раздумьями, живописными студиями, поэтическим творчеством. В Италии были написаны знаменитые «Римские элегии», «рельефная, выпуклая, пластическая» поэзия которых, «вся проникнутая живым чувством упоительного наслаждения», так восхищала Белинского.

Идет время — меняется мир вокруг поэта. Грядет XIX век. А Гете уже шестой десяток... «В суровом сердце трепет и смиренность...». Вызревает — назревает — «Фауст»: «полуроман, полутрагедия, полуфилософская диссертация, полу-волшебная сказка, полуаллегория, полуправда, полумысль, полумечта, полумузыка», как восторженно определил «гениальное создание» через 13 лет после смерти Гете славянофил И. Киреевский — и тут же проникательно уточнит: «Фауст» — рождающийся XIX век».

Война Европы против Наполеона не вызвала у Гете приступа патриотических чувств. Он отвратил лицо свое на восток.

В 1814 году стихотворением «Геджра» (что переводится как «бегство») Гете начал великое лирическое двенадцатикнижие «Западно-восточного дивана», на осуществление которого ему понадобилось шесть лет. По сей день — это одно из высших достижений мировой лирики. Чудесным образом преуспев в синтезе западноевропейской и арабской культур, Гете как бы подхватил песню Хафиза — поверх национальных и временных (пять веков!) барьеров — подхватил и вывел на высоты общечеловеческого. В стихах «Дивана» в художественно совершенной форме запечатлена мудрость великого Гете — и с полным правом мы можем считать это гениальное создание творческим завещанием поэта-мыслителя, который в одном из стихотворений цикла сказал о себе так:

Человеком был я в мире,
Это значит — был борцом!

И который на исходе жизни — в последнем монологе Фауста — столь же страстно подтвердил

Конечный вывод мудрости земной:
Лишь тот достоин жизни и свободы,
Кто каждый день идет за них на бой!

И полтора столетия спустя — по-прежнему — стихами своими — он каждый день идет на бой. Достойный вечной жизни.

Р. ДЕРИГЛАЗОВ.